

Алексей Левшин

Прозрачный дом

Алексей Левшин
Прозрачный дом

«Алетейя»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Левшин А. М.

Прозрачный дом / А. М. Левшин — «Алетейя», 2021

ISBN 978-5-00165-268-7

Войти в эту книгу легко – мгновение, когда рука перелистывает первую страницу: и вы уже внутри нее! Это второе путешествие для тех, кто читал первую книгу. Это первое путешествие для тех, кто первой книги не читал. Куда ведет дорога? В Россию, в детство, в минуты нашей жизни. Города, двери, окна. За ними люди. Откройте дверь. Войдите. Тот человек, которого вы видели с улицы – это ваш друг или родственник. А теперь и вы видны с той стороны стекла. Подойдите к окну. Пусть история продолжается. Разговоры, чей-то голос в глубине квартиры. Кто-то вернулся издали. Люди лелеяли надежды, а время бежало и лилось сквозь пальцы... Главное было найти теплый угол.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00165-268-7

© Левшин А. М., 2021
© Алетейя, 2021

Содержание

Улица	7
«Что, улочка моя суточка...»	7
«Как неразборчивы чернила площадей...»	8
«Над пухлой грустью шубертовских комнат...»	9
«Весь мир появился на свет...»	10
«И снег этот страшный, и зелень, и ливень, и пух...»	11
Первая дверь на улицу с кнопочным звонком	12
«Крапивой пахнет тот звонок...»	12
«И что-то я хотел сказать...»	13
«А впереди вспотевшее окно...»	14
«Бездомные, как прежде, небеса...»	15
«Эсхил и васкеловских сосен чертыханье...»	16
Квартира с отдельным входом и старыми бумагами	17
«Там, в тех краях, где хромоножка-Муза...»	17
«Эта квартира похожа скорее на площадь...»	18
«Неровная кичка и детство...»	19
«Лето. Гром. Только звуку неймется попасть...»	20
«Мы переполнены руками...»	21
«Голь ощущения – от этой русской крови...»	22
«И вот из глубины грудины...»	23
«Здесь будут парки и сады...»	24
«Еще птенцом во тьме забыта совесть...»	25
«Кругом накрапывают предметы...»	26
Новый подъезд	27
«Я не знаю, куда мы стремимся с утра...»	27
«Простите мне за молодость...»	29
«Спешу-не спешу упоенно быть живу...»	30
Опять улица	31
«Меня опять взыскует мой язык...»	31
«Ведь было когда-то же время...»	32
«Как блаженным нельзя объяснять...»	33
Окно с этой стороны двора	34
«Любовь как Пушкин. С непокрытой головой...»	34
«Что бровок у наших берез...»	35
«Влажный выполоскан белок...»	36
«Глядеть в Москву, как в таз кривой...»	37
«Опять своя у Тинторетто...»	38
«Что душе твоя рыхлая палуба...»	39
Уточнение	40
Ночная дверь	41
«Там Зощенко в прохладном пиджаке...»	41
«Вот здесь, среди гулагов и снегов...»	42
«Тогда, в девяносто-лохматом году...»	43
Первый градус температурной оси	44
«Ты малярию рифмуешь с МАРИЕЙ...»	44
«Над землей безнаказанно бродит весна...»	45

«Вернулась черная луна...»	46
«А веку-безумцу осталось недолго...»	47
«Вдыхать эту дикую память...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Михайлович Левшин

Прозрачный дом

*О, как мне хотелось когда-то во сне
восстанавливать храм,
Где луч появился и первая надпись струится!
И в надписи этой все ласково явлено нам.
И с нами Господь. И все это не снится, не снится...*

Автор

© А. М. Левшин, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Улица

«Что, улочка моя сутулочка...»

Что, улочка моя сутулочка!
Ты все колдуешь, мельтешишь?
А мы играем в день прогулочный,
А мы проматываем жизнь...

«Как неразборчивы чернила площадей...»

Как неразборчивы чернила площадей.
Как красен рот невыносимо, напоказ
Глотающих рябину подворотен.
И Мойки карандаш свою химическую прозу
Мнет промокашкой высыхающих людей.
И смерти в нас пчелиное скольжение,
Еще движение, и уже закреплено
На капиллярах лыжное крепление.
Зачем пустили мы ее?

«Над пухлой грустью шубертовских комнат...»

Над пухлой грустью шубертовских комнат,
над повестью разбуженных колонн
Несется то, чего уже не вспомним,
А вспомнит сад с раздробленным крылом.

Глаза ольхи навывкате. На бело-желтом скате
Твоих прямых – у девочек так редко – теплых плеч
Испарина. На скатерти – дорог пустых, на платье
Ромашки, капли от свечи и путаница встреч.

Там кто-то скачет.
Там, по скатерти – комками!
Там лижет тракт разбитую губу.
Там будем мы. И сто друзей, и сто прозрений с нами!

«Весь мир появился на свет...»

Весь мир появился на свет.
Как будто из песенки вышел.
В пуху осторожных примет,
С любимой распахнутой книжкой.

Вот стол, за которым вдвоем,
Земные заботы оставив,
Мы ангела тихого ждем,
А ангел наш где-то витает.

И все же порой тяжело
Быть песней в миру полновесном
И помнить, как платье твое
Мгновенно заполнило Невский.

Не проще ли, лучше, умней,
Глаза на ходу закрывая,
Стать ветками голых аллей
И снегом, который растает?

И важно мелькает в глазах
Луны незаконченный росчерк.
А жизнь ведь значительно проще,
Когда нас целуют впотьмах.

«И снег этот страшный, и зелень, и ливень, и пух...»

И снег этот страшный, и зелень, и ливень, и пух
И снег этот, снег этот страшный.
Я вас не оставлю, я в этом клянусь.
Я с вами уже расстаюсь.
И чую, что жизнь обернется
Прожорливой черною пашней.

Первая дверь на улицу с кнопочным звонком

«Крапивой пахнет тот звонок...»

Крапивой пахнет тот звонок
И вязким черносливом.
И заколачивают впрок
В грудину хлипеньких досок
Горячих ручек ливень.

Неподходящая душа.
Разбивший лоб ребенок.
Так облупляется, дыша,
Косяк. И так, спросонок,
На рынка тополиный пух —
Жаль тополей два-три в селе —
Выпархивает детский дух.
Горячий день в горячем сне.
И воздух полон гонок.

«И что-то я хотел сказать...»

И что-то я хотел сказать.
Но мысль моя как одеяло
Плыла, артачилась, сползала
И окончательно сползла.

«А впереди вспотевшее окно...»

А впереди вспотевшее окно.
Пора ложиться спать, и кто-то, нас вдевая,
Как грубый ворс сквозь нежное ушко —
В проем двери, куда-то нас деваает.

Сегодня тихо. Сквозь предметы — ты.
И свадебное эхо раздается,
Оно растягивает все до чистоты,
До самого обычного несходства.

«Бездомные, как прежде, небеса...»

Бездомные, как прежде, небеса
Вернулись в дом, а этот дом был веком младше.

«Эсхил и васкеловских сосен чертыханье...»

Эсхил и васкеловских сосен чертыханье.
А там на Пресни лед засмотришься кровавый.
Собачье сердце не допущено в предбанник.
И рушится кирпичная держава.

А поезда, свистящие, как похороны.
Порос крапивой, бузиной вагонный шум!
И что же нам за город здесь отгрохали!
Я рос на Охте. Я герой Островского.
Ей – Богу – с бабушками и с котом.
Но капля золота мне раз глаза заполнила.
Но я про то потом, потом... потом...

Простуда Батюшкова, отруби Вийона,
Страница ими пахнет – а поэзии нет разовой.
Колонкой газовой навзрыд пропахший Григ —
Такие сладкие, живые партитуры.
Их разбираешь, уминаешь за троих.
И с каждым годом двор внизу все меньше,
Но мало пахнет тестом, здесь не юг.

Мой дедушка пол-жизни жил в Сибири.
Я уточню: я не на Охте рос, я рос перед мостом
Над Охтою.
Бродил, как заколдованный царевич,
Все в основном по театрам, и искал
Не то Ундину я, не то Людмилу
и даже, может быть, крысиных королей.
А так герой Островского.
Ей – Богу,
Играл на фортепьянах.
Играл Бородина. И плакал дедушка.
Вокруг меня была моя родная
и напрочь непонятная страна.

У нас под Лугой временная дача.
Там я твержу воздушные стихи,
Не зная, что они судьбу мне обозначат
И в горле твердые комки.

Квартира с отдельным входом и старыми бумагами

«Там, в тех краях, где хромоножка-Муза...»

Там, в тех краях, где хромоножка-Муза
Пятнадцатый троллейбус ждет – все слякоть, все душа.
И я не знаю, что на свете хуже:
Жить, не высываясь, или жизнью грохоча.

«Эта квартира похожа скорее на площадь...»

Эта квартира похожа скорее на площадь
Где-нибудь в Луге, с коровьей лепешкой газон.
Валенки двух фонарей, и, к примеру, как мощи,
Тайно-старинный вокзал с колокольным таким потолком.

«Неровная кичка и детство...»

Неровная кичка и детство
На самом верху антресоли ветров.
Полна и гранита, и перца
Башка. Голубиковый ров.

1

То жилы, то тропки, то, кроме
Разводов – совсем ничего.
Возня над разводом
И схватки в подкорке.
Запомни: всего ничего,
С осадком земли эти корки,
И шмотки, и глаз баловство.

2

И горше, чем съехавший мускул
Скулы, заигравшей не в лад,
То ряхи, то слезы, то выколбень русский
Глаза мне, глаза теребят.

3

Глаза мне твои глазами
Никак до конца не обнять.
Все сами мы, сами мы, са...
Миндаль в землю впился глазами.
И что это за наказание —
Не это продольное зданье,
А спящий в плюще особняк?

«Лето. Гром. Только звуку неймаётся попасть...»

Лето. Гром. Только звуку неймаётся попасть
Прямо в разные цели.
Только речка не слушает этих посулов.
Гром гремит разноцветной посудой.
Там, внутри, где расклад
На века совершался в граненом зрачке косогора:
До татар, до Романовых, до Калиты и Малюты.
От него и пошли наше рабство, покорность,
Разымчивость женского тела,
Тугодумство души, скорострельные наши глаза,
Хитрованные речи, погляды, покатые плечи
Да язык золотой, да залиvistый свет
Да любовь и злодейство за двадцать четыре часа.
Несравненная тройка, истории в лоб поломойка,
А потом ещё много страниц, на которых черты лица.

«Мы переполнены руками...»

Мы переполнены руками,
Как был снаружи Дмитровский собор.
Как на живот беременный – на камень
Народ клал руки и тогдашний княжий двор.

«Голь ощущения – от этой русской крови...»

Голь ощущения – от этой русской крови,
Которая нам выдалась, как боль,
Лепечущая, что вчера с любовью
К нам улицы людские – на убой.

«И вот из глубины грудины...»

И вот из глубины грудины
Как тающий в огне Ершалаим
Опять ты, боль, опять моя задира,
Опять твой яростный и безысходный дым.

«Здесь будут парки и сады...»

Здесь будут парки и сады,
И лестниц перебранка:
Природы вечные жида
Да осень-самобранка.

«Еще птенцом во тьме забыта совесть...»

Еще птенцом во тьме забыта совесть,
А жизнь уже сверлит свирелью мир.

«Кругом крапают предметы...»

Кругом крапают предметы.
Но дело не в этом, нет, дело не в этом!
Проговорился умница Тютчев:
Любим мы мороки, только до близких нам дела и нету!
Эту-то тему мы сразу разучим.

Новый подъезд

«Я не знаю, куда мы стремимся с утра...»

Я не знаю, куда мы стремимся с утра
И на чем ошибаются руки,
Но была штукатурка в подъезде, как Босх и как страх,
Искажая пространство, они образуют у нас нищету в духе.

Виден беккеровский рояль, хрустали баккара, Христиании
улицы,
Принадлежность чернильная, угол письменного стола,
Человек перед ним – то ли Диккенс, а то ли... сутулится —
что-то пишет, еще со вчерашнего что осталось, к чему еще
боль не прошла,
Что вернулось:

Треск обшивок каретных и радость базедовых лож,
Цокот выстрелов, астра в петлице великого князя С.А. за
минуту до смерти,
Креп, бурнус или гарус, стерляжьего воздуха дрожь,
Голословный покой номеров меблированных имени Кая
и Герды —

Все, чем стала она, золотая отчизна, блесна
Устаревшего навзничь и чем-то богатого мира,
Через опухоль памятников в черный глянец окна
Возвращаться и тихо дрожать с половицами в области шелока
и дырок,

Вспоминать, как используют щелочь для добра-серебра,
Знать, когда-нибудь эта умная жизнь возродится!..
Удивляться, что малым голландцем природа прошла
И оставила все, что полно даже в руки пока что не взятого
смысла —

Это Андерсен, это его утомленный разбор
Дела, дела и дела, и заделанной страсти
В мире, сиречь в душе. Это Чехов, забывший к несчастью
Доверить только начатый о тишине разговор —
О тишине человеческой масти.

Это – помнивший и Самотеку с Тишинкой, и деревянный Щипок
И по степени мылкости памяти – Бухару, Спас-Андронников
и Редедю – Тарковский
Сын сначала, а после отец. Это первый ледок

на устах псалмопевца, Марину догнавший смертельный шнурок.
Лед пробит, кто там в проруби – то ли Саул, то ль Иаков.
Мир как тело, подробно ОБМЫТ И ОПЛАКАН —
Кто там в проруби? – крохотный лик Пастернака
И затылок отцовский.
Как вязок ты воздух, московский!

День приходит карябый, февральский, да винчьевский,
с вором Тишинским в подкладке —
Это я умираю. Лития и дорога нагая – и лес в покатуху и
с ямой в начатке.
Потому как пророк-говорок и овраг-добрый враг, гроб-сугроб
или волчья яма и тайная мама —
Это столпотворение губ.
Я забыл одного. Он был тоже упрямый.

«Простите мне за молодость...»

Простите мне за молодость —
Она еще жива.
Простите мне за гордость —
Она еще права.

Я обращаюсь к немощи —
Моей, чужой, твоей!
Горячегубой Всенощной
Кого нам обогреть?

Чекушками, полушками,
Замызганным ковшом
Мы пьем лазурь насущную,
которой мир лишен!

Горстями с чего-то потными,
Цапучей пятерней
Хватаем страх и в подпол
— да —
Подпол — под душой!

Вот так, лишившись знамения,
Без умысла строги,
Мы обретаем праведность
В неправедные дни.

Но то, в чем смысла больше нет
И счастья больше нет,
И что всего лишь вам одним, Господь —
Тебе, тебе — поэт —
финалом кажется в отрыв —
Жизнь возвернет и в срок.
В России умереть — прожив —
Большая честь и прок.

«Спешу-не спешу упоенно быть живу...»

Спешу-не спешу упоенно быть живу
Как прежде!
Выхаживая – прожить бы —
Двухжильную степень надежды.

Вернуться, войти
В упоительный мрак первородства.
Но кто возвратит
Ненаглядную тяжесть сиротства?

И осень бьется в том окне.
вернее, занавеска.
И боль чирикает во сне
Назойливей, чем в детстве.

В отъезда провал —
В эту близкую, вязкую пропасть.
— Попал? — Да, попал.
Остается ресницами хлопать.
Обвал и завал
И последняя чистая область,
Знакомая телу в обхват —
Область голоса.

Приходишь – гордец,
пропасть-ямочка между ключицами
Спасти не сумеет, и в память стараешься – врыться бы...
В бумагах копаться и в пухлых альбомах не стану,
Мне б так на язык весовую пространства сметану!..
Застал поставец, где деревьев посуда стоит не по строчке.

Косой этот лес из раскосого края урочищ —
Я в нем на плаву, когда снег его метит своим
 мелом —
— в одной его точке исчез, а в другой — появился —
Вот все, что я сделал.

Но так получается, так введено для порядку
Сказать, что на время, которое больше сойдет
под накладку —
Зажим, пережим – рук и разных перил образцовых —
Я, Русь, с твоего распорядку
Исчез, а теперь вот вливаюсь поденно, готова?..

Опять улица

«Меня опять взыскует мой язык...»

Меня опять взыскует мой язык.
Мне улыбнулся во всю синь земли осенней
Тот, от кого я искренне отвык —
Знакомый мой, Сергей Есенин!

Шалел я не от травли и вина,
Не от горчаще-ласковых посулов!
А от того, что мимо нас прошла страна.
И вот вся радостная сплошь величина!
Она во мне, как после сказочного сна,
Плечами вскинула
И напролет проснулась!

Так вот он, вскидчивый водоворот,
Хватающий, тревожный и просящий
Не закрывать глаза, не обрывать щедрот.
И гром на шепот свой переводящий!

«Ведь было когда-то же время...»

Ведь было когда-то же время,
Когда мне губы вязала рябина-даль,
Когда близорукая дружба шальную дарила мне шаль,
Чтоб лучше меня на рассвете укутать,
Когда на ростки нашей жизни, великой и смутной,
Город набрасывал свой закал.

Когда в губах или в пальцах
Я разрабатывал – попросту – небо,
Когда я с жизнью так связан не был,
Как раз потому, что ее не боялся и знал,
Где таятся ее неземные пределы.
Теперь не знаю. Но в том и дело,
Что тогда, когда жизнь про меня не радела,
Господь растер мне пятном уста.

И это пятно было снегом и чем-то еще —
То ли краскою типографской, то ли кровью говяжьей,
То ли тиной из вымершей в зиму Лебяжьей
Канавки, то ли свежей грунтовкой холста.

«Как блаженным нельзя объяснять...»

Как блаженным нельзя объяснять,
Что годами стоит за ними,
Так и мне остается не знать,
Где мы были с друзьями моими.

Где, спрятав в обивку сна
Не какие-нибудь дивиденды —
А понятия добра и зла,
А Треблинку, Норильск и Освенцим

И еще сорок разных книг,
Мыслей, толков, обоснований,
Сквозь Гулаг к Бухенвальду,
что же мы как немые?
А мир подыскал свой английский, немецкий, французский язык.
Мы – обычное русское наше рыданье.

Окно с этой стороны двора

«Любовь как Пушкин. С непокрытой головой...»

Любовь как Пушкин. С непокрытой головой,
Опять забыв подробности дуэли,
Выходит в город четкий и чужой.
И смотрит, где камни постарели.

«Что бровок у наших берез...»

Что бровок у наших берез!
Чернильниц, расквашенных в роще.
Любую из них разберешь,
Как женский рассыпчатый почерк.
Любую, как спелую дрожь.

«Влажный выполоскан белок...»

Влажный выполоскан белок,
И Рембрандт, соглядатай бычий,
Оставляет на вербах лоск
Своей темной густой добычи.

Муравейник правды дрожит у мги,
Где еще непонятым, неиспытанным словом
Оживает любовь, проливая внагиб
Голубику, морошку, мурашки, голод.

«Глядеть в Москву, как в таз кривой...»

Глядеть в Москву, как в таз кривой,
Гадаальный, повивальный —
И, значит, это над тобой
Уже бессилён рок дневальный.

«Опять своя у Тинторетто...»

Опять своя у Тинторетто
Трясина спин, невзмывших крыл,
Как будто бы горячий вскрик рассвета
он сам в твоей груди остановил.

«Что душе твоя рыхлая палуба...»

Что душе твоя рыхлая палуба?
Из досок, из холста, из земли, на которую глаз ступил.
Краски высохшей суп грибной,
Мрак черничный, чернильная пагода.
И мальчишки удар по воде рукой.
Ты туда не иди, там по грудь, и туман такой,
Что ни плыть в нем, ни жить не достанет сил.

Уточнение

Я на себе, не размышляя, вывез
Лес разоренных судеб, клочок разгваздавшихся царств.
Я лишь внезапный сын России.
Я жить хотел не ради добрых глаз.

Где что-то строится и сыпет известь в кумпол —
Там нет меня – по-старому студент,
По-нынешнему что-то вроде... ругань
Напрашивается. Модно. Но меж тем...

Кому, в какую грудь полтонны укоризны?
Давайте мне. Сто центнеров вранья
Я пропустил, не прожевал и не прожил —
и не хотел ни разу в жизни.
Я выехал. Уехал. Нет меня.

И я хотел вернуться не из чести
и не из радости, хотя она нужна,
Не просто к матери, хоть там она – к невесте,
Хотя не выросла, еще совсем юна...

Ночная дверь

«Там Зошенко в прохладном пиджаке...»

Там Зошенко в прохладном пиджаке,
Платонов в обескровленном тулупе.
А там рассеянные стеганные дни.
Роженица. Лицо ужасно белое.
Бессонница. Какие муки спелые
И скороспелые у девочки-земли!

«Вот здесь, среди гулагов и снегов...»

Вот здесь, среди гулагов и снегов,
Кипела жизнь, под нею в поруганье
Талант блестел, как рифма под ногами.

Он выдернул его и стал скрести
Людей вокруг им. Без судебной дрязги
Словами стал их отскребать от грязи.

И нержавеющей стало откровенье
О тех, кто искренне воспринял этот грех,
Грех неповиновенья.

А я хотел узнать, кто может разъяснить,
Варлама черный стыд и красный Аввакумов,
Нарым, Освенцим, Бабий Яр, и Хиросиму, и Голгофу.

«Тогда, в девяносто-лохматом году...»

Тогда, в девяносто-лохматом году,
Где танки грохочут
И тело в тревоге и где-то
Кудлатая смерть,
И хочется, хочется, хочется очень
Россию и близких спасти
И не умереть
При этом,

Мы спорим, что дело поэта
Не принимать участия.
А хочется! Но обещал, не пойду – не пошел.
И все же собрался, со свитером в сумке. И здрасьте!
С чистым младенческим, тихим рассветом
Сняло как рукой. Хорошо.

Танки грохочут кольцом.
Трое мальчишек внутри,
Трое снаружи.
Ну же!
Снова стараются души
Думать Россией.
Нет, лучше уж действовать.
За нее и во имя нее.
Ребятишки!
То, что не вышел я, то, что не вышел,
Вы уж простите, я до сих пор все еще,
Со свитером в сумке я до сих пор все еще...

Танки на Питер остановили,
А вы уже поверху, вы уже плыли.
Толпа обступила.
У изголовья.
Стой!
Вышло опять – лужи крови.

Три, слава Богу, не больше!
Простите, мальчишки.
То, что так вышло.
То, что не вышел.

Первый градус температурной оси

«Ты малярию рифмуешь с МАРИЕЙ...»

Ты малярию рифмуешь с МАРИЕЙ.
Было иль не было? Было, дружок.
Где-то в Одессе, в бывшей России,
Там, где и небо было с вершок.

До или после красавчика Шмидта
Лодка поэта в гавань вошла.
С груженым штакелем странного вида:
Лодка поэмой набита была.

«Над землей безнаказанно бродит весна...»

Над землей безнаказанно бродит весна.
Я торчу над обыденной фразой о свете.
Лезет в голову прежде всего война,
Люди, снег, человеческий смех,
Слово «бег», рядом слово «околыш», а после какой-то там Петя.

Мы хотим святых называть по имени.
У церкви оттаявший подбородок.
Надо вылечить, как после тяжелых родов
Не то отчизну, не то кого-то,
кого за нее мы приняли.

А потом уже будет, что, забыв
Движение к праву и страх переправы,
Налаженный шмон и наплыв облавы,
Мы будем прилично и мирно жить.

«Вернулась черная луна...»

Вернулась черная луна.
И снова пахнут косоглазьем
Мои худые времена.
Я выбирал их разве?

«А веку-безумцу осталось недолго...»

А веку-безумцу осталось недолго
В опрятные прятки играть
С тобой, комаровская елка,
Красавица и балаболка,
Актрисочка и приживалка.
А Гретхен, ну хоть убейся,
Никогда не была в Комарово
И все-таки верно и долго
И даже, как Шуберт, толково
Бессмертную пряжу пряла.

«Вдыхать эту дикую память...»

Вдыхать эту дикую память.
И будешь потом вспоминать
Про ветра горячую замять,
Про косы, заметь, ведь глазами
Ты многое видел и за ночь
Успел остальное добрать:

Две строчки про жизнь в Лебедяни,
Зимы заусадебный выгон.
И пишут еще дворяне,
Миряне и будетляне
В Москве, Петрограде, Коломне и иже
С ними, то бишь в Париже.

Еще не увозят в теплушках одних,
Не травят в газетах других.
Записки на новых манжетах
Не значат еще, что погиб.

И весь не погиб еще мощный корабль
Просторной, небесной, земной
Той жизни русской, искавшей правду,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.